

Государственное учреждение образования
«Средняя школа № 24 г. Борисова»

Кирилло-Методиевские чтения «Аллея героев»
«УЗНИЦА ТРЁХ КОНЦЛАГЕРЕЙ»
(секция «Аллея героев»)

Автор: Абрамович Иван Алексеевич, 7 «Г» класс
Руководитель: Панченко Надежда Алексеевна,
учитель истории

Ванда Матвеевна Андриевская. Имя этой женщины известно многим жителям Борисова. Все ужасы самой страшной войны выпали на долю этой женщины. Но пережив смерть близких, пройдя через три концлагеря, в том числе, и самый страшный Освенцим, она не сломалась, вернулась к мирной жизни, научилась быть счастливой.

Родилась Ванда Матвеевна 23.04.1921, г. Борисове. Семья состояла из 4 человек: родители, брат Виктор и сама Ванда. Накануне войны девушка закончила техникум и работала сменным мастером автоматного цеха на спичечной фабрике. Во время войны, как и многие другие, семья пыталась выйти из города, но было уже поздно. Таким образом, семья Андреевских осталась в оккупированном врагом городе.

В условиях оккупации, когда началось партизанское движение, семья стала активно помогать партизанам. Самой большой и активной подпольной группой в городе стала группа, организованная в 1941г. на комбинате «Коминтерн». Ванда Матвеевна устроилась работать на комбинат в 1942 г. и стала участницей подполья.

Из воспоминаний В.М. Андриевской: «Наша группа с лета 1942 года поддерживала связь с отрядом партизанской бригады «Дядя Коля». Через Гришу Носова передавали бланки паспортов, пропусков, других документов. Осенью 1943 года,

возвращаясь из города, он попал в засаду, был ранен в ногу. Отстреливался до последнего патрона. Погиб. В подкладке пальто, когда фашисты подошли к нему, обнаружили несколько чистых бланков разных документов с подписью П.Ф. Парабковича и начальника паспортного стола А.С. Федоринчика. Это стало большой трагедией: они были схвачены и расстреляны» [2].

Родственник Андреевских, борисовчанин Иосиф Артюхович вспоминал:

«На спичечной фабрике была организована подпольная молодежная группа, в которую входил мой дядя Виктор Андриевский, а в группу на комбинате «Коминтерн» — моя тетя Ванда Андриевская. Они родные брат и сестра, тогда им было 18 и 20 лет. Дом Андриевских (он находился на месте нынешней школы №12) был явочной квартирой. Но в конце 1943 года дом попал под подозрение, и всех арестовали. Виктора за подготовку диверсии на электростанции расстреляли на полигоне, а родителей и Ванду после тюрьмы бросили в концлагерь за комбинатом «Коминтерн» [3].

Сама Ванда Матвеевна Андреевская рассказывала: «Из Борисова меня перевезли в минский лагерь по ул. Широкой. Думала, попаду в Тростенец, так как многие из нас туда попали. Я помню, когда бомбили лагерь по ул. Широкой в г.

Минске, мы сидели в бараках и молили Бога, чтобы нас разбомбили и кончились наши мучения. Охрана спряталась, но нам бежать не было возможности. Весь лагерь был обнесен проволокой, по которой шел электрический ток. Был случай, когда из нашего барака сильно избили украинку. Эта женщина бросилась на проволоку, была убита током. Однако мне больше повезло, и я среди оставшихся в живых была вывезена в лагерь Освенцим. По прибытии в лагерь Освенцим всех раздели, выстроили в шеренгу, и немецкие представители стали отбирать людей — кого в крематорий, кого в лагерь «А». Беременные женщины с детьми, старики, больные попали в крематорий. Нас, более молодых, остригли и накололи номера на левой руке. Мой номер 79666. Затем отправили в барак. В бараке было 1300 человек, среди которых 5 женщин с грудными детьми. Их женщины-немки держали в особых условиях, и детей не сжигали. Спали мы на нарах по 8 человек. Барак не отапливался. Утром подъем в 4 часа и пол-литра баланды (очистки картофеля, гнилая трава), 150 граммов хлеба (хлеб с опилками), вечером — холодной черной бурды. Ежедневно умирали люди. Трупы лежали на улице возле барачков. Крематории не успевали сжигать людей. Об отдыхе речи не было: гоняли на работу. После проверки (то есть «цель аппель») 2 часа простаивали, а затем гнали на работу. Выдавали

полосатые халаты. На спине был красный большой крест, нарисованный краской. На ноги — деревянные колодки. Голая, лысая голова. На голову ничего не давали. Лагерь был многонациональный. Отношение ко всем одинаковое: если провинился, получишь дубинкой по голове и плечам, кто бы ты ни был — русский, украинец, болгарин. Умирало ежедневно 10–15 человек от голода, холода, болезней. У нас брали кровь для раненых немцев. Ежедневно прибывал транспорт с узниками-евреями, которых тут же гнали в крематорий, после чего сжигали. Я пробыла в лагере Освенциме 10 месяцев и ни разу не меняла одежду и не мылась. Дизентерия, короста, туберкулез. Лишь помнятся слова из лагерной песни:

Если болен — боишься признаться,

Потому что леченья здесь нет.

В крематорий возят лечиться,

А оттуда возврата уж нет

В 1944 г. убежала группа заключенных, которых вывозили на работу за лагерь. В этой группе была моя знакомая Люба. Их не поймали, и о ее судьбе мне не известно. Случаев предательства не знаю. В Освенциме полицаев в охране не было, только охрана из немцев. Старшими над нами в бараках были блоковые и штубовые. Они политические заключенные. В нашем бараке были полячки. Нельзя было смеяться, разговаривать друг с другом,

выходить из барака. Они могли бить человека головой об стенку и даже отправить в крематорий. Охранники нас не били. Самое большое наказание со стороны немцев и СД — отправка в крематорий. Спасло мое имя Ванда. А также то, что хорошо говорила по-польски. Когда женщин с детьми брали в крематорий, она меня прятала. Когда я родила девочку, то ее забрали в крематорий, а мне дали кормить грудью девочку Ольги Дик из Орши. Она родила от бауера-немца, и фольксдойч ребенка нельзя сжигать. Но саму Ольгу Дик сожгли. Полячка Ванда получала посылки из дому, и мне часто кое-чего приносила поесть. Дружила я с гречанкой Ники, француженкой Жаннет. Какие были дружные, хорошие люди. Мы все помогали друг другу. Мы рыли траншеи, таскали землю, носили камни, а когда заставляли кормить ребенка фольксдойч, то была я в лагере. А иногда вызывали на работу в крематорий с удушливым газом с людей снимать кольца, перстни. Золотые зубы снимали мужчины, которых приводили сюда на работу. 27 января нас освободили солдаты 1-го Украинского фронта. Фронтвики нам сказали: «Уходите скорей пешком, всякое бывает». Тетя Лена из Полоцка, парень-еврей из Минска (прятался в трубе, потому и жив остался) и мы ушли на Краков. По пути нас подобрала машина и повезла в госпиталь. Мы были «живые

трупы», и нас там держали три месяца. Наша девочка в госпитале умерла, там я ее и похоронила.

В мае вернулась домой, в Борисов. Дом сожгли. Отец, мать, брат (19 лет), тетя, племянница (7 лет) — все были расстреляны. Муж погиб. Начала жизнь с нуля. Вторично вышла замуж, родила сына и дочь. Почему осталась жива? Наверное, есть на свете судьба — и я жива!» [1, 100-102]

Воспоминания Ванды Матвеевны были записаны в 2007г. и опубликованы в издании «Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси», вышедшем в 2012 г. [1]

После войны, с 1945 г., Ванда Матвеевна вновь стала работать на спичечной фабрике, была мастером, экономистом, начальником цеха. Активно участвовала В.М. Андриевская в общественной жизни города, встречалась с учащимися, делилась воспоминаниями о пережитом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борисова, А. В. Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси / А. В. Борисова, К. И. Козак, Г. Л. Стучинская. — Минск : Літаратура і Мастацтва, 2012. — 400 с

2. Дегтяренко, Г.Ф. Не забыты героев наших имена// Край Смалявіцкі. – 30.06.2015

3. Кухаренко, И. Боль о погибших — вечная боль нашего народа//Единство. – 03.07.2018